

## НАУЧНЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ

### О СУЩНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Липовски А.

(Польша)

Рассматриваются длительные и, как подчеркивает автор, безуспешные попытки изобрести и создать «оригинально социалистический механизм» регулирования экономики. Автор стремится раскрыть возможности и пути воплощения ценностей социализма в экономических отношениях между людьми.

Вопрос о сущности социалистической экономики сейчас весьма актуален. Разумеется, речь идет не о той экономике, в условиях которой мы живем, так называемой экономике реального социализма, а о той, которую можно было бы признать соответствующей идеям социализма.

Но возможен ли вообще (во всяком случае, в рамках наших познаний и опыта) какой-либо особый способ хозяйствования, который заслуживал бы имя социалистического и не применялся бы в странах Восточной Европы? Подобный вопрос задают себе не только люди, далекие от симпатий к социализму, но и сторонники социализма, а также представители левых сил в самом широком их диапазоне.

Дискуссии по поводу сути «социалистической экономики» осложнялись и осложняются не столько идеологическими различиями в подходах, сколько путаницей в понятиях. Это ведет к тому, что часто очень трудно сориентироваться, в какой степени различия взглядов обусловлены принятой системой ценностей, а в какой — терминологией.

Дело в том, что проблеме «социалистической экономики» (в нормативном смысле) можно рассматривать по крайней мере в трех аспектах: а) определенной системы ценностей либо системы институтов; б) системы институтов в широком смысле — как системы власти, либо в узкоэкономическом; в) экономической системы производства либо системы распределения. Остановимся на каждом из этих аспектов.

Если подходить к «социалистической экономике» как к системе ценностей, то пропадает искушение абсолютизировать какие-либо институциональные решения, которые можно оценить только с точки зрения целесообразности, подразумевая их постоянную эволюцию во времени. В таком случае не может быть институциональных решений, «социалистических» по определению. Они будут социалистическими настолько, насколько велик окажется их вклад в реализацию социалистических ценностей. Разумеется такой подход имеет и слабые стороны. Выведение понятия «социалистическая экономика» из системы ценностей недостаточно коммуникативно и функционально. Чем более общий характер приобретает определение этих ценностей, тем неопределеннее становится термин «социалистическая экономика». Тут можно попасть в ловушку, т. е. утратить своеобразие категории «социалистическая экономика». Спасти может только обращение к наиболее благородным гуманитарным ценностям, которые скорее объединяют людей, нежели разделяют их. В этом случае даже такое понятие, как «левые силы» или «социал-демократия», может оказаться слишком конкретным и односторонним при выяснении того, что должно являться специфическими чертами социалистической экономики.

Присмотримся внимательнее к этим ценностям. Те из них, которые обычно считаются социалистическими, как правило, сводятся к идеям социальной справедливости (прежде всего отсутствие эксплуатации), эгалитаризма, самоуправления, социальной защищенности и т. п. Они имеют характер аксиом, однако их можно рассмотреть с двух точек зрения: 1) социальной базы; 2) осуществимости.

Ценности, если говорить об их жизненности, реальны настолько, насколько они связаны с осознаваемыми и свободно выражаемыми интересами тех или иных социальных групп. В противном случае эти ценности мертвы, поскольку являются лишь догматическими иллюзиями глшатаев идеологии, которую никто не признает.

Я считаю, что социалистические ценности, теперь уже не очень модные, все же доказывают свою жизнеспособность в демократическом обществе\*, по меньшей мере некоторые из них; поэтому от них нельзя отмахнуться.

Другое дело — возможности их реализации. Тут прежде всего должны высказаться экономисты-прагматики, владеющие практическим опытом. Этот опыт свидетельствует, что имеет место противоречие между ценностями, принимаемыми за социалистические, и теми, которые обычно приписываются либеральному направлению, в частности, экономической эффективности\*\*. Либеральная экономическая система основана на четко определенной аксиологии. Главной ценностью в ней является благосостояние потребителя\*\*\*. Благосостояние потребителя растет вследствие повышения эффективности экономики, т. е. появления новых, все более качественных и разнообразных товаров (услуг)\*\*\*\*.

Представляется, что сторонники социалистической системы ценностей по-прежнему недооценивают это противоречие, хотя то, что сейчас происходит в странах Запада (так называемый поворот направо), в этом смысле весьма симптоматично.

Зарождение социалистических идей, если ограничиться начальной стадией развития капитализма, было связано с протестом против нечеловеческих условий существования. В принципе в то время не было возражений против технического прогресса, экономического роста и т. п. Речь шла о том, чтобы этот рост в большей степени служил людям. Отсюда и идея социалистической экономики, основанная на сохранении экономической эффективности капитализма при одновременной гуманизации межчеловеческих отношений. К. Маркс пошел еще дальше, охарактеризовав будущий строй как достижение изобилия, какого не знает капитализм (см. ниже). Осуществление этих идей оказалось, однако, делом гораздо более трудным, чем думали социалисты. Если признать, что противоречие между «социалистическими» и «либеральными» ценностями хотя бы в определенной степени неизбежно, то возникает вопрос, как данную проблему решить.

Казалось бы, с этой целью достаточно несколько снизить экономическую эффективность во имя «гуманизации» экономики\*\*\*\*\*. Теоретически здесь, действительно, есть над чем подумать. Однако если спуститься с небес на землю, то окажется, что любое государство так или иначе связано с другими странами и его экономика, хочет оно того или нет, обречена на соперничество с ними. Решающую роль при этом играет эко-

---

\* Я имею в виду демократическое общество, поскольку только в нем возможно свободное выражение интересов. По-видимому, в Польше много сторонников социалистических ценностей, несмотря на то, что официальная идеология была скомпрометирована.

\*\* Может быть, и не совсем справедливо относить к либеральному направлению требование эффективности (хотя именно это требование больше всего акцентируется им). Но в ходе данных рассуждений такое упрощение не имеет большого значения.

\*\*\* В философском плане либерализм выступает за свободу личности. Одним из проявлений этой свободы является экономическая свобода в интересах потребителя.

\*\*\*\* В настоящее время к этому можно прибавить условие неухудшения окружающей среды.

\*\*\*\*\* С подобного рода соображениями можно встретиться в ходе нынешних дискуссий о дальнейших направлениях развития Польши.

номическое соперничество. Успех в нем зависит от конкурентоспособности данной экономики. В связи с этим существует довольно жесткое требование эффективности, которое не выдуманно публицистами либерального направления, а обусловлено объективными причинами. В эффективности заинтересованы «потребители всего мира».

Попробуем, однако, вообразить, что такого объективного требования нет и что в какой-то стране можно частично отказаться от экономической эффективности во имя иных ценностей. Нетрудно представить, что раньше или позже в экономике этой страны произошла бы деградация общественных отношений, возникло бы неравенство и т. п. Иначе говоря, в условиях материальных трудностей сложно представить себе гуманизацию межчеловеческих отношений. Более того, трудно вообразить, чтобы в экономически деградировавшей стране, обреченной на прозябание, была реальная общественная поддержка идей, не считающихся с необходимостью выхода из этого положения\*.

Из сказанного можно сделать вывод о существовании *объективно обусловленной иерархии ценностей*, среди которых\*\* *наибольшей ценностью является экономическая эффективность*. И только реализация этой ценности обеспечивает необходимые материальные предпосылки для возможного претворения в жизнь остальных ценностей.

Если считать, что неизбежной платой за реализацию большинства социалистических ценностей является потеря экономической эффективности, то выходом может быть отказ от социалистических ценностей, по крайней мере частичный. Подобное явление имеет место в странах Запада, о чем уже говорилось\*\*\*. Можно вообще предположить, что пропорции, в которых «социалистические» и «либеральные» ценности претворяются в жизнь, в значительной степени зависят от решения этой дилеммы в других странах. Конкретно говоря, нельзя исключить, что поворот «вправо» в странах Западной Европы и США был столь радикален именно благодаря конкуренции со стороны «либеральных» экономик стран Азии. Их экспансия на мировом рынке привела общественное мнение западного мира к выводу об опасности чрезмерных затрат, вызванных государственным патернализмом и широкомасштабным государственным регулированием экономики.

Перейдем ко второму из перечисленных аспектов рассматриваемой проблемы. Довольно часто в ходе дискуссий об институциональной структуре государства ставится знак равенства между такими понятиями, как «социалистическая экономика» и «социализм». А между тем термин «социалистическая экономика» относится к институтам экономической жизни данной страны, а «социализм» должен означать общую организацию системы политической власти в государстве, регулирующую общественную жизнь во всех ее проявлениях. Сказанное имеет скорее чисто методологическое значение, поскольку на практике трудно найти реальную структуру в сфере власти, которую можно было бы определить как чисто социалистическую и которая бы не использовалась при другом строе. В последнее время такой структурой чаще всего считают парламентскую демократию. Сомневаюсь, однако, чтобы она была избрета социалистами. Социалистическая мысль (не обращающаяся непосредственно к К. Марксу) скорее использовала выработанную опытом поколений идею парламентской демократии, основанной на власти большинства при одновременной терпимости по отношению к меньшинству, чем сама эту идею открыла.

---

\* Эти рассуждения ведутся на высоком уровне абстракции. Применительно к условиям Польши следует дополнительно принять во внимание, с одной стороны, наши ожидания на будущее, а с другой — экономический кризис и необходимость решения проблемы задолженности. Я не думаю, чтобы это было возможно без общего роста эффективности.

\*\* Во всяком случае, в рамках ценностей, о которых здесь говорится.

\*\*\* Прекрасной иллюстрацией этого является изменение экономической политики, произведенное Ф. Миттераном после того, как он был вновь избран на президентский пост.

Если в таких условиях отказаться от сталинского подхода к социализму как к системе политической власти, полностью отличающейся от всех других систем\*, то остается пустое место, которое нелегко будет заполнить.

Таким образом, надо искать сущность социалистической экономики в ее экономических институтах, определяющих принципы хозяйствования.

В социально-экономической мысли стран Восточной Европы свыше 100 лет господствовала точка зрения о преходящем характере рыночного способа хозяйствования. Отсюда родилась идея экономики, управляемой на основе иных законов, чем рыночное хозяйство. Эта экономика (нерыночная), с одной стороны, должна быть во всех отношениях лучше, чем рыночная, а с другой — раньше или позже возникнуть с исторической неизбежностью. Подобной убежденности в совершенстве и неизбежности «социалистической экономики» не сопутствовали, однако, познания конкретных законов, управляющих такой экономикой, о реально осуществившихся (из потенциальных) способах функционирования. Как мы увидим, взгляды по этому вопросу подверглись в странах Восточной Европы весьма характерной эволюции.

Как известно, исходной явилась марксистская идея нерыночной и неденежной экономики, в которой затраты и результаты производства должны определяться в натуральных единицах, а использование материальных ресурсов непосредственно подчиняться общественным потребностям. Такой тип экономики назовем «позитивной моделью». Он прямо противоположен экономике рыночного типа, характеризуемой как «капиталистическая», в которой повсеместно осуществляются денежные расчеты, а применение материальных ресурсов зависит от эффективного спроса и ориентировано на максимизацию прибыли. В дальнейшем назовем этот тип экономики «негативной моделью».

К. Маркс не говорит о том, как должно функционировать такая экономика. На этот вопрос попыталась ответить новая власть, возникшая в России в октябре 1917 г., созданием просуществовавшей до 1921 г. экономической системы военного коммунизма.

Среди историков нет единодушия по поводу того, в какой степени экономическая катастрофа в Советской России того времени была вызвана военным коммунизмом, а в какой — гражданской войной. Во всяком случае, известно, что принципы военного коммунизма не были претворены в жизнь. Экономические процессы не позволили запрограммировать себя сверху. Возникло явление, с которым мы позже не раз будем иметь дело, — *бюрократический анархизм*. Он означал, что экономикой по-прежнему правили низовые (стихийные) саморегулирующиеся процессы, хотя и весьма специфические. Частично они приняли рыночную форму (черный рынок), частично — нерыночную (распределительно-карточная неразбериха).

Ликвидация денег удалась только в небольшой степени, поскольку значительная часть регламентированных потребительских товаров все же просачивалась на черный рынок. Введение взамен товарно-денежного обмена мелочного распределения рабочей силы, сырья и продуктов питания при использовании административного насилия над крестьянством создавало благоприятную почву для злоупотреблений, субъективизма, случайности в принятии решений, т. е. приводило к огромному расточительству человеческой энергии и материальных средств. В конечном итоге военный коммунизм оказался весьма действенным средством для суженного воспроизводства народного хозяйства. Используя терминологию теории игр, можно сказать, что участники тех событий вели между собой игру с отрицательным результатом.

Банкротство военного коммунизма вынудило советское руководство перейти к новой экономической политике. Эта политика означала суще-

\* Руководящая роль коммунистической партии и доминирующее положение государственной собственности.

ственный поворот от «позитивной модели» социалистической экономики к ее «негативной» форме, несмотря на то, что тяжелая промышленность осталась в руках государства, а крупные предприятия, формально «коммерциализированные», на практике управлялись административными методами. Тем не менее в сферы среднего и мелкого производства, торговлю и сельское хозяйство была допущена частная рыночная экономика (включая кооперативное движение).

Скоро обнаружилось, что крупные государственные промышленные предприятия менее эффективно по сравнению с негосударственными справлялись с привлечением квалифицированных специалистов и добычей средств производства. Трудно сказать, как долго продолжалось и чем бы закончилось сосуществование монопартийной системы с достаточно большим сектором рыночной экономики, представляющим вдобавок опасность для остальной части народного хозяйства, непосредственно руководимой государством с помощью административных методов, если бы не известные политические решения 1929—1930 гг.

В результате этих решений сформировался тип экономики, который впоследствии был назван *директивно-распределительным*. Начав формироваться в 30-е годы, этот тип с различными модификациями просуществовал в большинстве стран «реального социализма» и до сих пор он был кардинальным отходом от нэпа в сторону «позитивной модели». Для него было характерно сохранение свободной закупки потребительских товаров и, в принципе, рынка труда\* при отсутствии рынка средств производства и природных ресурсов (в том числе капитала, понимаемого в широком смысле), валютного рынка. Эти элементы были объектом администрирования и регламентации. В связи с этим материальные ресурсы страны использовались главным образом не для удовлетворения эффективного спроса, а для реализации государственных политических приоритетов.

Недостатки директивно-распределительного типа экономики настолько хорошо известны, что нет нужды их подробно описывать. Отметим лишь, что она имеет тенденцию преобразоваться в экономику, для которой характерны субъективизм и борьба групповых интересов в управлении. Это в результате приводит к состоянию «без плана и без рынка». Последнее означает замену стихии рынка стихией игры бюрократических сил, а доступ к распоряжению материальными ресурсами основывается на пробивной силе отдельных групп в аппарате власти. Главным представителем такой системы была польская экономика 70-х годов.

Можно утверждать, что экономика директивно-распределительного типа представляет собой смесь: административного регулирования; корректировки ошибок центральной администрации на низовом уровне (например, различных приемов неформального преодоления трудностей со снабжением для обеспечения непрерывности производства); взаимных сделок, уступок, приписок и пр. в ходе составления показателей плана и его осуществления с целью минимизации усилий; скрытой формы приватизации государственной собственности («вторая экономика»).

Остается невыясненным, насколько процессы, о которых говорится в последних двух пунктах, можно считать находящимися в «границах допуска» директивно-распределительной экономики, а насколько — выходящими за них. Иначе говоря, можно ли утверждать, что в условиях существования незапрограммированных «низовых» процессов государственным административным органам удастся претворять в жизнь свои цели и приоритеты, мириться с этими процессами по тем или иным причинам или же эти органы уже фактически потеряли возможность эффективного контроля над производством и распределением, живущими собственной жизнью?

Отказ от взгляда на директивно-распределительную экономику как на социалистический способ хозяйствования, полностью соответствующий

---

\* «В принципе» — в связи с многочисленными административными ограничениями свободного перетока рабочей силы и существованием трудовых лагерей.

щий доктрине, стал важнейшей предпосылкой дискуссий, начавшихся в Польше в середине 50-х годов. Этим были созданы условия для поисков альтернатив такой системе. Одним из основных в то время был вопрос, действует ли в «плановой социалистической экономике» закон стоимости.

Поиски модели социалистической экономики, альтернативной по отношению к экономике директивно-распределительного типа, в тот период шли в разных направлениях, из которых можно упомянуть: «планово-рыночную» модель [1]; модель «косвенной централизации» [2]; модели «глобальной оптимизации» [3, 4].

«Планово-рыночная» модель (тогда она называлась «децентрализованной») подразумевала попытку примирить в рамках социалистической экономики два требования: планомерность на уровне всего народного хозяйства и микроэкономическую эффективность на уровне предприятий. Средством для этого должно было служить выделение из экономических периодов короткого интервала, в течение которого предложение было бы связано со степенью использования производственных фондов, и длительного, когда этот фонд увеличивался бы с помощью капитальных вложений.

В «планово-рыночной» модели рыночный механизм допускался только в короткие периоды. Он должен был управлять лишь оборотом сырья, материалов и части рабочей силы, а изменения в структуре предложения — определяться технической гибкостью формируемых «наверху» производственных фондов в связи с тем, что общий объем и структуру капитальных вложений должно было устанавливать непосредственно государство (на основании точно не определенных «общеекономических критериев»). В соответствии с принципами этой модели учредительскими функции и переток свободных финансовых средств между предприятиями и отраслями промышленности не могли регулироваться рыночным механизмом. В связи с тем, что «планово-рыночный» механизм распространялся на закрытую экономику и имел дело с неконвертируемой валютой, в нем не было места для валютного рынка.

Оценивая принципы этой модели, трудно удержаться от замечания, что позднейшее преследование В. Бруса [1] за «рыночный социализм» и «ревизионизм» было вызвано либо случайным фактором в виде чьей-то злой воли (не говоря уже об обычном невежестве), либо защитой экономики директивно-распределительного типа, хотя эта теория защищала именно такой тип экономики.

Однако судьба превратна. В ходе борьбы с «экономическим ревизионизмом» в Польше и Венгрии был внедрен хозяйственный механизм, основные элементы которого были заимствованы у планово-рыночной модели В. Бруса. Неофициально это признавали и сами венгерские экономисты. Поэтому неудивительно, что у нас венгерская реформа в течение долгого времени тоже не признавалась. Забегая вперед, отмечу, что только в 1982 г. реформаторы польской экономики согласились с точкой зрения В. Бруса, несмотря на то, что его имя было вычеркнуто из учебников политэкономии социализма и экономической публицистики. Основным положением реформы (так называемого первого этапа) явилась плановая (в долгосрочном аспекте) экономика, использующая рыночный механизм\*.

Трудно говорить о недостатках или о нестройности планово-рыночной модели, рассматривая ее с теоретико-логической точки зрения. Проще это сделать эмпирически. Мне кажется, лучше всего предоставить слово создателю этой модели В. Брусу, который с позиций сегодняшнего дня самокритично оценивает свое творение. В данной статье есть смысл только кратко обозначить признаваемые им слабости описанной модели [5]:

---

\* В этом частично заключается главная идея модели «косвенной централизации» группы А. Вакара (см. ниже).

подчиненное положение рынка по отношению к плану (воздействие рыночного механизма на планомерный процесс размещения ресурсов имеет периферийный характер);

сосредоточение в руках государства решений по важнейшим капитальным вложениям, что приводило к ограничению самостоятельности даже в краткосрочной деятельности предприятий; отсутствие рынка капитала вело к сбоям на товарном рынке и рынке труда;

сохранение неизменной единой структуры государственной собственности, фактическим субъектом которой являются административные органы, по своей сути неспособные нести финансовую ответственность за принятые экономические решения.

Модель «косвенной централизации» группы А. Вакара базировалась на других принципах. Основой для разделения плана и рынка были не временные периоды, а циклы планирования. Планирование — это составление подробного народнохозяйственного плана в натуральных показателях для всех уровней экономики. Рынок — система экономических параметров, с помощью которых обеспечивается выполнение этого плана предприятиями (текущее производство и капитальные вложения) и населением (потребление). В последнем контексте чаще используется понятие «управление». В соответствии с представленной концепцией «планирование» всегда централизовано, децентрализации может подлежать только «управление». Такое отношение к рынку как к чему-то полностью подчиненному было с охотой использовано властями (в том числе и для расправы с «рыночным социализмом» Бруса) и нашло отражение в законодательных актах, например в Законе о социально-экономическом планировании, принятом в Польше в 1982 г. Разумеется, предполагается, что народное хозяйство, функционирующее в режиме «косвенного централизма», имеет закрытый характер.

Наконец, в третьем направлении поисков социалистической альтернативы директивно-распределительному типу экономики надежды на повышение эффективности связывались с распространением микроэкономического хозяйственного расчета на все народное хозяйство. Духовным отцом этого направления является О. Ланге, который в своей довоенной работе о хозяйственном расчете при социализме [6] использовал давнее разделение на расчет чисто рыночный (применяющий параметры выбора — цены и пр., реально созданные рынком) и расчет, имитирующий рынок (с параметрами, рассчитанными с помощью математической модели). В обоих типах хозяйственного расчета логика экономического выбора одна и та же. Различие заключается в способе их функционирования. Чисто рыночный расчет соответствует исторически определенному способу производства, в котором количество продукции, а также цены, затраты и прибыли определяются силами рынка. Хозяйственный расчет, имитирующий рынок, соответствует его альтернативе — плану, сознательно разрабатываемому государством с помощью математической модели, которая позволяет отдельные его позиции формировать на базе данных о предпочтениях населения, ресурсах средств производства и производственных возможностях предприятий.

Такой подход подразумевал веру в то, что как создание параметров эффективного выбора на макроэкономическом уровне, так и сам выбор можно оторвать от социально-институциональной основы, т. е., что их можно рассчитать «искусственным» путем. Кроме того, принималось на веру, что на макроэкономическом уровне оптимальный выбор возможен как бы сам по себе, механически. Иначе говоря, предполагалось, что все жизненно заинтересованы в выборе такого рода, а проблема заключается в сложности расчетов в связи с большими размерами макроэкономической модели.

Это направление практически никогда не влияло на попытки проведения системных изменений, предпринимаемых в странах Восточной Европы. К нему, как правило, не обращались даже авторы появляющихся время от времени скромных предложений по «совершенствованию» централизованного планирования. Относительно наиболее «живучим» это

направление было в СССР, особенно на рубеже 60—70-х годов. Тогда казалось, что компьютеризация расчетов решит проблему оптимального выбора. В настоящее же время оно оказалось в застое перед лицом непреодолимых трудностей.

Можно предположить, что незначительность его практической пользы была связана с двумя причинами. Первая — это оперирование чрезмерно упрощенными формальными моделями, которые нельзя применить на практике. Вторая, более важная, — пренебрежение фактом, что люди, которые на макроэкономическом уровне должны принимать «оптимальные» решения, с одной стороны, подвергаются естественному давлению снизу, а с другой — сами имеют определенные интересы, которые вовсе не должны заключаться в принятии оптимальных решений в области планирования. Иначе говоря, в конечном итоге план определяется исходя не из соображений логики и расчета, а из игры интересов. Такая игра интересов может приобретать либо рыночный характер, и тогда критерием принятия решений является покупательная способность (деньги), либо политический. В этом случае доступ к дефицитным товарам определяется участием в осуществлении власти и распоряжением средствами административного контроля.

Представленные в кратком виде идеи по поводу создания социалистической экономики, более эффективной, чем ее директивно-распределительный вариант, просуществовали вплоть до 80-х годов. Новые течения в этой области будут рассмотрены далее.

На основе вышесказанного можно представить историческое развитие взглядов на социалистическую экономику, а точнее — на ее функциональные (наиболее характерные) черты, которые признавались необходимыми для существования экономики такого типа.

Исторически первой такой чертой социалистической экономики было всеобщее натуральное распределение, ликвидирующее деньги даже как условную расчетную единицу.

Начиная с 30-х годов такой чертой стала административная система распоряжений и распределения средств производства. В вертикальных и горизонтальных (между предприятиями) связях внутри страны деньги были восстановлены, однако их роль ограничивалась учетной функцией. Деньги как полновесная экономическая категория были допущены только в оборот потребительскими товарами и рабочей силой. Свобода выбора потребительских товаров и места работы на основе различных критериев уже не считалась отступлением от принципов социализма.

После 1956 г. необходимым признаком социалистической экономики стали считать принятие непосредственно государством решений о распределении прибыли и накоплении. Таким образом, сфера действия денег была распространена и на оборот средств производства для текущего выпуска продукции. В то же время по-прежнему полагали, что деньги не должны играть активной роли в процессах экономического роста, иначе социалистическая экономика потеряет свое лицо. На такой конструкции базировались, как уже отмечалось, венгерская реформа 1968 г. и так называемый первый этап польской экономической реформы 1982 г.

В этот период сложилась формула централизованного планирования. Она и по сей день имеет множество сочувствующих, даже среди тех, кто относит себя к сторонникам придания экономике «целиком рыночного» характера. В соответствии с данной формулой государство непосредственно принимает решения макроструктурного характера, касающиеся общих объемов и структуры капитальных вложений [7], т. е. «социалистическое», по определению, централизованное планирование имеет место тогда, когда распределение прибыли и ее использование производятся исходя из политических предпосылок, независимо от того, какие инструменты хозяйственного руководства применяются в отношении предприятий — директивные или экономические.

Из этого неизбежно следует необходимость балансировки «сверху» (планирования на основе материальных балансов). Поскольку в плани-

ровании капитальных вложений государство устанавливает структуру конечной продукции в натуральных показателях, то тем самым оно вынуждено приспосабливать к этому и план выпуска промежуточной продукции, иначе общий план экономического развития не может быть выполнен. Отказ от политических императивов при составлении плана в пользу критериев микроэкономической эффективности разрушает логику такого планирования. Следует обратить внимание на тот факт, что эта проблема существовала и в условиях директивно-распределительного управления народным хозяйством.

В начале 80-х годов произошла очередная переоценка ценностей в теории и был совершен переход в новое качество. После застойного для экономической мысли периода 70-х годов (в Польше в значительной степени вызванного событиями марта 1968 г.), все яснее проявился отход от былых догм. Крепло убеждение в возможность активизировать деньги при распределении прибыли и аккумуляции. Речь уже пошла о такой модели социалистической экономики, где решения об экономии средств могут принимать и домашние хозяйства, а о развитии (с использованием разнообразных финансовых источников) — предприятия. Одним из институтов, реализующих возможность принятия таких решений, должны быть коммерческие банки, собирающие денежные сбережения и предоставляющие их предприятиям, обещающим их эффективное применение, другим — облигации как форма самокредитования хозяйственных субъектов. Это означает ликвидацию государственной монополии в области, которая до сих пор держалась за счет так называемого бюджетного фискализма и системы монобанка, выполняющего функции эмиссии денег и предоставления кредитов, а также автоматически покрывающего дефицит бюджета. К этому можно добавить требование открыть экономику, ввести конвертируемую национальную валюту, что в свою очередь ликвидирует еще одну монополию государства — на внешнюю торговлю.

Мы на этом не остановимся, ибо и так хорошо видны как общее направление изменений в системе, так и в особенности опережающие их модификации теоретических представлений. В течение нескольких последних десятилетий наблюдается медленный, но уверенный отход в понимании необходимых признаков социалистической экономики от ее первоначальной позитивной модели и постепенное *приближение к негативной модели*.

Этот вывод был сделан при сознательном абстрагировании от вопросов собственности, учет которых только подтвердит его.

В последние годы в Венгрии, а в Польше — буквально в течение 1989 г. наблюдается очередной качественный скачок во взглядах на социалистическую экономику. Это касается отношений собственности, которые традиционно рассматривались в учебниках политэкономии социализма наиболее догматически и апологетически по сравнению со всеми остальными. Ныне острое критики направляется против инертной, унифицированной государственной собственности. Но она имеет двоякий характер. Во-первых, обращается внимание на отчуждение трудящихся, на их безразличие к этой форме собственности, на то, что государственная собственность фактически становится ничьей. Во-вторых, нынешние формы государственной собственности делают невозможным гибкое размещение материальных ресурсов на основе критериев микроэкономической эффективности. Государственная администрация, с одной стороны, должна защищать государственное достояние внеэкономическими средствами, а с другой — не заинтересована в увеличении его рыночной стоимости. Речь идет о том, чтобы это достояние начало приносить своему собственнику финансовые результаты, а не только натуральные.

Теоретически изменения отношений собственности в условиях социалистической экономики могут идти по двум направлениям: 1) формально сохраняя сферу государственной собственности в прежних границах, можно попытаться ее «коммерциализировать» с помощью, например, создания системы государственной аренды и биржи государственных акций — таковы предложения экономистов-реформаторов, принадлежа-

щих к «официальным кругам» [8]; 2) возможно значительное сокращение государственной собственности, особенно в пользу частной; это предлагают экономисты либеральной ориентации.

Допуская, что наиболее существенной необходимой чертой социалистической собственности должно быть если не безраздельное господство, то хотя бы преобладание нечастных форм собственности (так ставит вопрос, например, М. Мешчанковски [9]) без конкретного определения ее институтов, то очевидно, что только первое направление отвечает этому требованию. Одновременно возникает проблема эффективности функционирования рынка акций в рамках доминирующей нечастной собственности. В мире еще не было случая, чтобы в условиях нечастной собственности (охватывающей большую часть национального достояния (кроме сельского хозяйства), функционировал рынок акций. Кроме того, опыт показывает, что если в данной стране хуже или лучше функционирует рынок капитала, то он, как правило, является частью мирового рынка капитала или хотя бы многосторонне с ним связан.

Время покажет, как в будущем сформируется структура собственности в Польше и других странах Восточной Европы; тем не менее экстраполяция наблюдаемых в настоящее время тенденций эволюции теории социалистической экономики могла бы дать интересные результаты, особенно если учесть, что в нашем обзоре характерных признаков социалистической экономики мы дошли, пожалуй, «до последней черты».

Деньги начинают проникать в самую сердцевину законов собственности. В этом видна определенная логика, обусловленная экономическими факторами. Активизация денег в одной сфере народного хозяйства раньше или позже приведет к их активизации в другой сфере. А это означает, что необходимый признак социалистической экономики должен в большей степени учитывать универсальные законы и требования рыночной экономики.

70 лет хозяйственного строительства в социалистических странах одновременно означает 70 лет поисков сущности социалистической экономики как специфической системы хозяйствования. Поисков пока безрезультатных.

В их ходе стала заметна следующая тенденция. С одной стороны, сохраняется отрицание капиталистической системы в идеологическом плане, с другой — усиливается критическое отношение к экономическим реалиям социализма. При этом поначалу существовала сильная вера в потенциальные преимущества социалистической экономики, которая впоследствии стала постепенно ослабевать. Ведь любая экономическая система функционирует в соответствии с объективными законами, имеющими многовековую историю, и их нарушение может принести одни лишь потери. Во всяком случае, в странах Восточной Европы не удалось выработать собственную оригинальную систему в сфере производства, которая и отвечала бы требованиям эффективности, и не была бы заимствована у рыночной экономики. Наиболее живучие в настоящее время элементы этой экономики — директива и распределение — не очень оригинальны. Они использовались в Германии во время первой мировой войны, а во время второй — в Германии и США. До сих пор единственной альтернативой директивно-распределительной системе хозяйствования остается рыночная экономика. В настоящее время в этом убеждены, пожалуй, большинство экономистов, хотя и не все из них по разным причинам готовы это открыто признать.

Если мы придем к выводу, что не существует «социалистического» по своей сути способа производства, кроме его директивно-распределительного варианта, то нам остается искать элементы «социализма» в системе распределения в рамках рыночной экономики, тем более что практика скандинавских и некоторых других стран развенчала тезис о том, что отношения распределения полностью обусловлены отношениями собственности. Оказалось, что в определенных границах возможна без нарушения существующих структур собственности модификация социальной структуры доходов с тем, чтобы нивелировать социальную диф-

ференциацию, вызванную рынком. Одновременно из накопленного опыта следует, что имеется связь между системой производства и системой распределения. Она заключается в том, что слишком глубокое и широкое государственное вмешательство в систему распределения болезненно сказывается на производстве, снижая его экономическую эффективность. Нельзя с определенностью сказать, в какой момент это может наступить. Каждая страна с рыночной экономикой обладает в этом плане собственным опытом.

Во всяком случае, если уж очень хочется, можно назвать, например, скандинавскую систему «рыночным социализмом». Мне кажется, однако, что это — чистейшая риторика, имеющая мало практического значения. Важно не название, как бы приятно оно ни звучало, а то, что под ним действительно скрывается.

Лично я не являюсь сторонником применения идеологических понятий (а такими понятиями стали капитализм и социализм) при научном изучении политических, социальных или экономических систем. В этом конкретном случае идеологическая терминология вызывает вдобавок ассоциации с «железными» правилами истории, в то время как способ мышления в категориях «прогрессивного развития сменяющих друг друга формаций» в настоящее время оказался в кризисе. В ситуации, когда приходит новое сознание, не следует пользоваться старыми терминами.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Brus W.* Ogólne problemy funkcjonowania gospodarki socjalistycznej. Warszawa, 1961.
2. *Zarys teorii gospodarki socjalistycznej.* Warszawa, 1965.
3. *Kantorowicz L.* Rachunek optymalnego wykorzystania zasobow. Warszawa, 1961.
4. *Porwit K.* Zagadnienia rachunku ekonomicznego w planie centralnym. Warszawa, 1968.
5. *Brus W.* Reformy gospodarcze w swietle konserwatywno-liberalno-socjalistycznej perspektywy. 1986 (maszynopis).
6. *Lange O.* Zagadnienia rachunku gospodarczego w ustroju socjalistycznym//*Ekonomista.* 1936. № 4.
7. *Lange O.* Zasady planowania w gospodarce socjalistycznej//*Pisma ekonomiczne i społeczne* 1930—1960. Warszawa, 1961.
8. *Iwanek M., Swiecicki M.* Handlować kapitałem w socjalizmie. *Polityka*, 1987. № 24; *Wróblewski A.* Przedsiębiorczość//*Zycie Gospodarcze.* 1987. № 48.
9. *Mieszczankowski M.* Czy socjalizm mozna zreformowac? *Zycie gospodarcze.* 1989. № 10.

Поступила в редакцию  
14 VIII 1989